

Морис Метерлинк

Двойной сад

Сборник эссе (1904)

Перевод с французского Николая Минского и Людмилы Вилькиной

Источник: Морис Метерлинк. Разум цветов. М.: Мос. Рабочий, 1995 по изданию Полного собрания сочинений, вышедшего под редакцией Минского в издании Т-ва А. Ф. Маркса в Петрограде в 1915 г.

OCR&SpellCheck.- KostiK. 25.11.2006

Содержание:

На смерть собачки
Храм случая
Новая драма
Источники весны
Смерть и корона
Вид на Рим
Полевые цветы
Хризантемы
Старомодные цветы
Об искренности
Женский портрет
Масличная ветвь

=====

НА СМЕРТЬ СОБАЧКИ

У меня умер на днях маленький бульдог на шестом месяце своего краткого существования, лишенного каких бы то ни было приключений. Его умные глаза открылись, чтобы глядеть на мир и любить людей, и потом закрылись на несправедливые тайны смерти.

Друг, подаривший мне его, дал ему, может быть, для контраста, неожиданную кличку Пелеас(1). У меня не было причин переименовать его. И разве может бедная любящая собака, преданная и честная, обесчестить имя человека или вымышленного героя?

У Пелеаса был большой, выпуклый, могучий лоб, напоминавший лоб Сократа или Верлена(2). Под черным, сморщенным носиком широкие, симметрично висячие щеки придавали его треугольной голове выражение массивной угрозы и упрямого раздумья... Он был прекрасен естественной красотой уродца, строго соответствующей законам его породы... И эта очаровательная маска уродства при малейшей ласке освещалась улыбкой внимательной услужливости, неподкупной невинности, нежной преданности, беспредельной благодарности и безграничной доверчивости. В чем, собственно, выражалась эта улыбка? В наивных, умиленных глазах, в ушах ли, наостренных на голос человека, во лбу ли, наморщенном, чтобы понимать и любить, в четырех ли маленьких, белых, высовывавшихся наружу зубах, которые сверкали радостью за его черными губами, или в обрубке согнутого, по обычаю его породы, хвоста, кончик которого шевелился, выражая глубокую, страстную радость, наполнявшую это маленькое счастливое существо, встретившее еще раз руку и взгляд божества, которому оно всецело предалось?

Пелеас родился в Париже, и я увез его с собой в деревню. Здоровые толстые лапы, бесформенные и еще не затвердевшие, мягко носили по неизведанным дорожкам его нового существования его огромную, важную, курносую голову, как бы склонявшуюся под бременем мыслей.

Дело в том, что эта неблагодарная и несколько грустная голова, подобно голове скороспелого